

Лесняк Марина Валерьевна

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ С ПОМОЩЬЮ ТАКТИКИ "СОЗДАНИЕ ТЕМНОГО ПРОШЛОГО"

В данной статье представлен лингвистический анализ коммуникативной тактики "создания темного прошлого" в качестве способа моделирования ретроспективы в политическом дискурсе на материале публичных выступлений немецких национал-социалистов в период с 1930 г. по 1933 г. При этом коммуникативная тактика трактуется с позиций когнитивно-прагмалингвистического подхода, подчеркивается ее прототипический характер.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 128-133. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

9. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. Изд-е 1-е. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1. 1200 стб.; Т. 2. 2010 стб.; Т. 3. 3858 стб.
10. Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 255 с.
11. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 220 с.
12. Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966. 438 с.
13. Севортян Э. В. Пробные статьи к «Этимологическому словарю тюркских языков» (обще- и межтюркские основы). М.: Наука, 1966. 104 с.
14. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 800 с.
15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М.: Наука, 1984. 488 с.
16. Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 151 с.
17. Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1971. 302 с.
18. Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. 204 с.
19. Brockelmann G. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954. 429 S.
20. Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk Sprachen. SPb., 1908. 86 S.

PHONOLOGICAL TRANSFORMATIONS OF DISYLLABIC MORPHEMES IN YAKUT LANGUAGE

Kuz'mina Angelina Afanas'evna

*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
angeli_kuum@mail.ru*

The article reveals the study of root stems of nouns in the Yakut language in the structurally typological aspect. The ideas about the formation of disyllabic root stems when compared with the Turkic languages are given. The analysis of the phonological transformations in the structure of morphemes is conducted. The research of the structures of disyllabic nominal roots allows reconstructing the ancient roots of the languages of the Turkic type.

Key words and phrases: Yakut language; root stems of nouns; classification by type; dead affix; phonology; etymology; phonetic evolution.

УДК 8; 81; 811.11-112

Филологические науки

В данной статье представлен лингвистический анализ коммуникативной тактики «создания темного прошлого» в качестве способа моделирования ретроспективы в политическом дискурсе на материале публичных выступлений немецких национал-социалистов в период с 1930 г. по 1933 г. При этом коммуникативная тактика трактуется с позиций когнитивно-прагматического подхода, подчеркивается ее прототипический характер.

Ключевые слова и фразы: коммуникативная тактика; альтернативная действительность; ретроспектива; моделирование речевой действительности; перлокутивный эффект; посткоммуникативный эффект.

Лесняк Марина Валерьевна

*Южный федеральный университет
mvlesnyak@sfedu.ru*

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ С ПОМОЩЬЮ ТАКТИКИ «СОЗДАНИЕ ТЕМНОГО ПРОШЛОГО»[©]

Проекция в прошлое или будущее является одной из основных характеристик политического дискурса. Создание подобной перспективы или ретроспективы используется политиками для достижения необходимого им перлокутивного и посткоммуникативного воздействия на электорат. Именно поэтому исследование бинарной оппозиции ПРОШЛОЕ – БУДУЩЕЕ, лежащей в основе архетипической модели мира (см. подробнее: [12, с. 5-6]), вызывает сегодня живой интерес у лингвистов применительно к политической дискурсивной сфере [6; 7; 8; 11]. Этим и обуславливается актуальность настоящей статьи.

Создавая определенную ретроспективу и перспективу в политическом дискурсе, коммуникант тем самым моделирует «возможную действительность» для реципиентов, оценивая ее соответствующим образом. Так, например, моделирование ретроспективы в речи зачастую используется в качестве иллюстрации негативного опыта, в случае, если речь идет о политических противниках, а также позитивного опыта, в случае, если говорится о себе или соратниках. Иначе говоря, прошлое может быть представлено как негативно окрашенное –

«темное прошлое» и как позитивно окрашенное – «светлое прошлое». В любом случае конструируемая действительность не тождественна реальной картине мира. Адресант политического текста внедряет в сознание адресата сконструированную реальность, которая призвана заместить собственные представления получателя текста и вызвать соответствующий воздействующий эффект. Целью настоящей статьи является изучение речевых приемов коммуникативной тактики «создания темного прошлого» как одного из эффективных способов конструирования ретроспективной действительности в политическом дискурсе. Наиболее иллюстративным материалом для такого исследования, как нам кажется, являются публичные выступления немецких национал-социалистов в период предвыборной борьбы с 1930 г. по 1933 г. В статье формулируется определение коммуникативной тактики с позиций интегративного когнитивно-прагматического подхода, рассматриваются речевые приемы тактики «создания темного прошлого» и подводятся итоги.

Моделирование коммуникативной ретроспективы в политическом дискурсе осуществляется, на наш взгляд, с помощью тактической реализации «создания темного прошлого» коммуникативной стратегии «создание перспективы и ретроспективы». Под коммуникативной стратегией в данной статье понимается иерархически организованная коммуникативная структура, реализующаяся на трех уровнях: когнитивном (высшем уровне ментальных структур), акциональном (уровне речевых действий) и текстуальном (уровне текстов). Целью коммуникативной стратегии является «изменение в поведении и сознании слушателя» [18, S. 232], «моделирование действительности» [10, с. 189] или «коррекция модели мира адресата» [3, с. 109], т.е. изменение у реципиента существующего на момент произнесения речи представления о реальности (в прошлом, настоящем или будущем). Задачи коммуникативной стратегии воплощаются в соответствующих коммуникативных тактиках. Коммуникативная тактика представляет собой стандартный набор практических приемов речевого воздействия в конкретной ситуации общения [4, с. 19; 9, с. 63; 13, с. 36] и может быть представлена на двух уровнях. «На уровне планирования она мыслится как инвариант, предстающий в виде комплекса конкретных приемов речевого воздействия на реципиента» [2, с. 178]. На уровне речевых действий коммуникативная тактика предполагает *запланированный, не спонтанный* выбор определенных речевых действий в соответствии с коммуникативным намерением (коммуникативной задачей) и тематическим содержанием, необходимыми для достижения стратегической цели. Следует заметить, что при таком когнитивно-прагматическом подходе коммуникативная тактика, как и коммуникативная стратегия, обладает прототипическим характером (см. подр.: [5]). Это означает, что коммуникативная тактика представляет собой некий идеальный образец, который реализуется в разных коммуникативных ситуациях / текстах в разном объеме. Иными словами, речевые приемы, выявленные для определенной коммуникативной тактики в рамках конкретной коммуникативной стратегии, могут быть представлены в анализируемых текстах в разной степени. Перейдем к иллюстрации сказанного выше на примере конкретных речевых приемов тактики «создания темного прошлого», используемой немецкими национал-социалистами в рамках предвыборной борьбы с 1930 г. по 1933 г.

Тактика «создания темного прошлого» опирается на презентацию говорящим уже реализованной действительности со знаком «←». Причем, оратор моделирует альтернативную действительность, подчеркивая исключительно негативные аспекты и последствия прошедших событий. Как правило, это связывается с действиями оппозиционеров. Данная тактика восходит к концептуальной системе «темное прошлое». Концептуальная система «темное прошлое» внедряется в сознание адресата путем выбора иллюзий осуждения, порицания и дискредитации говорящим событий прошлых лет и политических деятелей, явившихся источником описываемых бед. Поэтому вписывается в концептуальную систему «круг чужих», а на речевом уровне непротиворечиво сочетается с прагматической тактикой «создание образа врага». Побуждение совершить «правильный» политический выбор в настоящем обуславливается угрозой того, что с избирателями может повториться ситуация, которая им уже знакома и которую они уже пережили.

На лексико-семантическом уровне приемы тактики «создание темного прошлого» реализуются через выбор лексем с отрицательной семантикой, выражающих страдания; лексем, выражающих дискредитацию противника и его действий в прошлом; лексем с семантикой упадка, разрушения; лексем, выражающих антиценности; лексем-усилителей; лексических единиц в отрицательном смысле, прямо противоположном буквальному – иронии; лингвистических единиц, выражающих обобщение; метафор. Последовательно рассмотрим выбор каждого речевого приема.

– Лексемы с отрицательной семантикой, преимущественно выражающие страдания (*leiden – страдать, weinen – плакать, darben – терпеть нужду, бедствовать, hungern – голодать, opfern – жертвовать, Opfer – жертва, Blut – кровь*). Т. о., политик сгущает краски, перечисляя многочисленные проблемы и страдания народа или своих соратников, имевшие место в прошлом. Причем, причиной страданий, как правило, называют своих политических оппонентов.

(1) *Vierzehn Jahre lang haben wir ein formales Staatsgebilde angebetet, haben gedarbt, gelitten, geopfert, gehungert und manchmal auch geweint (Goebbels) [15, S. 44]... / Четырнадцать лет мы поклонялись образу государства, мы бедствовали, страдали, жертвовали, голодали и иногда даже плакали... (Здесь и далее перевод автора – Л. М.)*

Выбор выделенных глаголов в составе простого составного сказуемого в форме прошедшего времени *darben* (бедствовать, нищенствовать), *leiden* (страдать), *opfern* (жертвовать), *hungern* (голодать), *weinen* (плакать) обнаруживает намерение говорящего усилить ощущение неудовлетворенностью прошлыми событиями. Оратор нагнетает обстановку, намеренно подчеркивая все невзгоды, которые довелось пережить слушающим. Если реципиент испытывает дискомфорт, вновь переживая все трудности, то он, скорее, предпримет действия для изменения ситуации. Таким способом политик эффективно моделирует представление о прошлом.

– Лексемы, выражающие дискредитацию действий политических противников в прошлом (*stehlen* – красть, *nehmen* – брать, *unterdrücken* – подавлять, *zerstören* – разрушать, *ruinieren* – разорять, *auspowern* – доводить до нищеты, обирать, *Lügen* – ложь, *Verleumdung* – клевета). Выбор данных речевых приемов сочетается с выбором речевых приемов тактики «создание образа врага».

(2) *All das nahm man uns, all das stahlen sie uns, um all das betrogen sie uns, und das nannten sie dann: In einem Zustand wahrer Schönheit, Freiheit und Würde leben (Göring) [17, S. 16]. / Всё это у нас отобрали, все это они у нас украли, во всем они нас обманули, и затем они назвали это: жить среди истинной красоты, свободы и чести.*

В данном примере, употребляя глаголы *nehmen* (отбирать), *stehlen* (красть), *betrügen* (обманывать), оратор подчеркивает лишения людей, усиливая их наречием *all* (все), выражающим обобщение. Тем самым создается плачевная картина прошлой действительности, в которой реципиенты выступали в качестве жертв, которых обворовывали, обманывали и т.д.

– Лексемы, выражающие отрицательные последствия политики политических оппонентов (*Verfall* – упадок, *Ausbeutung* – эксплуатация, *Zersplitterung* – раздробленность, *Vernichtung* – уничтожение, *Elend* – нищета, разорение, *Not* – нужда, *Qual* – мука, *Entsetzen* – ужас и т.д.):

(3) *Sie konnten gar nichts anderes dem deutschen Volk bringen, als was sie gebracht haben: das wirtschaftliche Elend, die Vernichtung aller Finanzen, den Ruin des Bauernstandes, die Auslöschung unseres Mittelstandes, die Überschuldung und Verpfändung und die Millionen Arbeitsloser (Hitler) [19, S. 261]. / Они не могли дать немецкому народу ничего другого, кроме того, что они дали: экономическая разруха, уничтожение всех финансов, разорение крестьянского сословия, истребление нашего среднего класса, огромные долги и залогов и миллионы безработных.*

В данном примере все несчастья, а именно: *das wirtschaftliche Elend* (экономическая разруха), *die Vernichtung aller Finanzen* (уничтожение всех финансов), *den Ruin des Bauernstandes* (разорение крестьян), *die Auslöschung unseres Mittelstandes* (истребление среднего класса общества), – связываются исключительно с политикой, проводимой оппонентами. Таким образом, «темное прошлое» моделируется говорящим как список неудач политических соперников и их сторонников.

– Лексемы, обозначающие антиценности (*Schmach* – бесчестье, *Schande* – позор):

(4) *Du sollst ein Urteil abgeben über die vergangenen vierzehn Jahre der Schmach, der Schande, des Verfalls und der nationalen politischen Demütigung (Goebbels) [15, S. 43]... / Ты должен высказать свою точку зрения о прошедших четырнадцати годах бесчестья, позора, упадка и национального политического унижения ...*

В этом примере политик призывает оценить прошедшие 14 лет правления политической власти, при этом он описывает этот период путем выбора лексем *Schmach*, *Schande* (стыд и позор). Тем самым он негативно, даже пейоративно, оценивает прошлую реальность.

(5) *Der 30. Januar wird in die deutsche Geschichte als der Tag eingehen, an dem die Nation nach vierzehn langen Jahren der Qual, der Not, der Schmach und der Schande wieder zu sich selbst zurückgefunden hat (Göring) [16, S. 15]. / 30-е января войдет в немецкую историю как день, когда нация обрела себя после четырнадцати долгих лет мук, нужды, бесчестья и позора.*

Так же, как и в предыдущем примере, выбирая лексемы *Qual* (мучения), *Not* (нужда), *Schmach* (стыд) и *Schande* (позор), оратор представляет прошедшую действительность в негативном свете для всей нации с целью показать контраст между «темным прошлым», в котором его партия не была на вершине власти, и «светлым будущим», в котором нация возродится, вновь обретя себя (*wieder zu sich selbst zurückgefunden hat*).

– Лексемы-усилители (*maßlos* – безгранично, *unsagbar* – невыразимо, *bitter* – горький, *schwer* – тяжелый, *тягостный*, *grauenvoll* – ужасный) в сочетании с лексемами, выражающими страдания народа.

(6) *Blickt doch nur einmal zurück, bevor ihr am Sonntag eure politische Entscheidung fällt, seht nur einmal eine Viertelstunde zurück in diese vierzehn Jahre, erinnert euch trotz dieser schnellebigen Zeit, was diese vierzehn Jahre bedeutet haben, was Deutschland alles verloren und preisgegeben hatte, wie unsagbar die Leiden waren, wie bitter die Not, und ihr werdet erkennen, was es heißt, vierzehn Jahre vom Marxismus regiert zu werden (Göring) [17, S. 16]. / Только оглянитесь назад, прежде чем вы в воскресенье примете свое политическое решение, лишь четверть часа посмотрите на эти четырнадцать лет, вспомните, несмотря на это быстротечное время, что значили эти четырнадцать лет, что Германия потеряла и чем поступилась, как невыразимы были страдания, насколько горькой нужда, и вы узнаете, что означает быть под управлением марксистов.*

Выбирая наречия *unsagbar* (невыразимо) и *bitter* (горько) в сочетании с лексемами *Leiden* (страдания) и *Not* (нужда), говорящий усиливает воздействующий потенциал лексем с семантикой страданий. Тем самым он способствует активному внедрению альтернативной действительности прошлого как темного и исключительно негативного в сознание аудитории.

(7) *Vierzehn Jahre haben wir gekämpft, vierzehn Jahre haben wir gelitten, so maßlos wie nie ein Volk gelitten hat (Göring) [Ibidem, S. 15]. / Четырнадцать лет мы боролись, четырнадцать лет мы страдали, так безгранично как никогда не страдал ни один народ.*

С помощью лексемы *maßlos* (безмерный) в сочетании с глаголом *leiden* (страдать) в прошедшем времени политик апеллирует к чувствам аудитории, нагнетает напряжение и обостряет недовольство актуальной политической властью и ее действиями. Сравнение *wie nie ein Volk* – как ни один народ способствует созданию требуемого перлокутивного эффекта. Путем выбора выделенных лексем конструируется модель «темного прошлого».

– Лингвистические единицы в значении, обратном буквальному – ирония:

(8) *Wenn das deutsche Volk früher glaubte, sich den Luxus dieser Zersplitterung leisten zu können, heute ist es unmöglich (Hitler) [19, S. 262]. / Если раньше немецкий народ думал, что может позволить себе роскошь такой разобщенности, то сегодня это невозможно.*

Говорящий применяет в данном случае речевой прием иронии, выбирая выражение *Luxus dieser Zerspitterung – роскошь разобщенности*, поскольку разобщенность традиционно относится к проблемам общества, а не к его благам (роскоши). Таким способом он дискредитирует описываемую ситуацию и моделирует у аудитории негативное представление о прошлом.

– Лексические единицы, выражающие обобщение (*alles – всё, allüberall – повсюду, all – всё, Allerschwerste – самое трудное*), и служащие для усиления эффекта сгущения красок – хромотопический максимализм [5, с. 200-206]:

(9) *Dreizehn Jahre lang haben sie wirtschaftlich, politisch bewiesen, was zu leisten sie fähig sind. Eine Nation wirtschaftlich zerstört, den Bauernstand ruiniert, den Mittelstand verelendet, die Finanzen im Reich, in den Ländern, in den Kommunen zerrüttet, alles bankrot und viele Millionen Arbeitslose (Hitler) [20, S. 275]. / В течение тринадцати лет они доказали, чего могут достичь в экономике и политике. Национальная экономика разрушена, крестьяне разорены, средний класс обнищал, финансы в Рейхе, федеральных землях, общинах растрачены, всё обанкрочено и много миллионов безработных.*

В этом примере употребление словосочетания *alles bankrot (всё обанкрочено)* свидетельствует о нацеленности говорящего подчеркнуть исключительно негативные характеристики описываемой действительности в прошлом: *eine Nation wirtschaftlich zerstört (национальная экономика разрушена), den Bauernstand ruiniert (класс крестьян разорен), den Mittelstand verelendet (средний класс обнищал), die Finanzen im Reich, in den Ländern, in den Kommunen zerrüttet (финансы в Рейхе, федеральных землях, в общинах растрачены)*. При этом все негативные черты приписываются политическим противникам, соответственно, употребление хромотопического максимализма сочетается с речевыми приемами тактики «создание образа врага».

(10) *Was war das Schwerste?.. Auch nicht, so bitter es klingt und furchtbar es ist, die zehntausend Verwundeten und auch nicht die vielen Toten waren letzten Endes das Allerschwerste... All das war noch nicht das Schwerste. Das Schwerste war das Ringen um den einzelnen Volksgenossen, der Kampf um die deutsche Seele, der Kampf um den deutschen Menschen (Göring) [17, S. 17]. / Что было тяжелее всего?.. Даже не десять тысяч раненых и даже не множество убитых были, в конце концов, не самым тяжелым, как бы горько это не звучало и ужасно бы не было... Всё это было не самым тяжелым. Самой тяжелой была борьба за каждого соотечественника, борьба за немецкую душу, борьба за немецкого человека.*

Выбирая хромотопический максимализм (*Allerschwerste – самое тяжелое, All das – всё это*) в сочетании с субстантивированным прилагательным в превосходной степени (*das Schwerste – самое тяжелое*) политик представляет картину прошлого в еще более «темном» свете, чтобы охарактеризовать своих политических сторонников как политиков, которые могут вести борьбу (*Kampf*) даже в таких тяжелых условиях. Здесь речевой прием тактики «создание темного прошлого» сочетается с речевым приемом тактики «создание образа героя».

– Метафоры, связанные с символикой тьмы (*dunkel – темный, Nacht – ночь, Schatten – тень*):

(11) *Endlich ist dieser langersehnte Tag gekommen, heute erleben wir ihn! Damit schließen wir mit der dunkelsten Abschnitt deutscher Geschichte und beginnen nun ein neues Kapitel (Göring) [16, S. 15]... / Наконец, настал долгожданный день, мы дожили до него! Сегодня мы закрываем самую темную страницу немецкой истории и начинаем новую главу...*

В данном примере говорящий ассоциирует прошлое с тьмой, выбирая словосочетание *der dunkelste Abschnitt deutscher Geschichte (самый темный отрезок немецкой истории)*. Тем самым он показывает контраст «темного прошлого» во главе с его политической оппозицией и «светлого будущего» во главе со своей партией.

Как видим, выбор речевых приемов тактики «создания темного прошлого» на лексико-семантическом уровне комбинировался с выбором речевых приемов тактики «создания образа врага» коммуникативной стратегии «создания круга чужих» и тактики «создания образа героя» коммуникативной стратегии «создания круга своих». Перейдем к анализу на семантико-синтаксическом уровне.

На семантико-синтаксическом уровне тактика «создание темного прошлого» реализуется через выбор сложноподчиненных предложений с придаточными времени, декларативных лозунгов и риторических вопросов. Рассмотрим каждый из них.

– Сложноподчиненные предложения с придаточными времени, вводимыми союзами *während*. Такие синтаксические конструкции позволяют подчеркнуть обусловленность трудностей прошлых событий с действиями политических противников говорящего:

(12) *Während der Frontsoldat draußen in den Schützgräben sein Vaterland mit dem Leben verteidigte, kam irgendein Schieber und nahm ihm Haus und Hof (Goebbels) [14, S. 2]. / В то время как фронтовой солдат отдавал жизнь за свое отечество в окопах, пришел какой-то спекулянт и всё у него отобрал.*

В данном примере оратор употребляет сложноподчиненную конструкцию с придаточным предложением времени, чтобы усилить на аудиторию воздействующий эффект от выбора лексем, описывающих негативное прошлое: *irgendein Schieber (какой-то спекулянт), nahm ihm Haus und Hof (отобрал дом и двор – досл.)*. Таким образом, здесь политик совмещает речевые приемы тактики «создания темного прошлого» как на лексико-семантическом, так и на семантико-синтаксическом уровнях с целью сгущения красок при описании прошлого. Очевидно, что тактика «создание темного прошлого» сочетается с тактикой «создание образа врага».

– Декларативные лозунги в сочетании с лексемами, выражающими страдания народа в прошлом:

(13) *Erinnert euch, wie bitter die Not gewesen ist, wie die hineinkroch in die letzte Stube, wie kein Mensch mehr ein und aus musste (Göring) [17, S. 16]! / Вспомните, как горька была нужда, как она заползала в каждый уголок, как ни один человек не мог больше из нее выбраться!*

В этом примере политик выбирает лозунг, выраженный глаголом *erinnern* (*вспоминать*) в повелительной форме: *erinnert euch* (*вспомните*), как бы призывая реципиентов убедиться в той картине «темного» прошлого, которую он им представляет. Тем самым оратор увеличивает воздействующий потенциал сообщения.

– Риторические вопросы. Риторический вопрос имеет четкую адресную направленность, не требует ответа и, по сути, представляет собой скрытое послание в форме вопроса [1, с. 194; 4, с. 220; 9, с. 93], поэтому обладает большим воздействующим потенциалом и способствует активному внедрению сконструированной реальности в сознание аудитории:

(14) *Was hat sich am altem Zustand geändert? Nichts, als dass die regierenden Männer neue Gesichter tragen. Die Wirtschaft läuft weiter leer. Kein großes Arbeitsbeschaffungsprogramm ist von dieser Regierung in Angriff genommen und durchgeführt worden (Goebbels) [15, S. 46]. / Что изменилось по сравнению с прошлым положением? Ничего, кроме того, что правящие политики надели новые маски. Экономика и дальше работает вхолостую. Это правительство не предложило и не осуществило никакой крупной программы по созданию рабочих мест.*

Как и в предыдущем примере, выбор риторического вопроса призван очернить действия, точнее – представить бездействие политических оппонентов оратора. Причем, это осуществляется перечислением неудовлетворенных ожиданий аудитории в настоящем как следствие политики врагов его партии.

Как видим, семантико-синтаксический уровень представляет нам меньшее разнообразие речевых приемов тактики «создание темного прошлого», чем лексико-семантический. Хотя, следует оговориться, данная статья не претендует на исчерпывающий перечень приемов этой тактики.

Подводя итоги, можно сказать, что тактика «создание темного прошлого» была активно реализована в текстах немецких национал-социалистов исследуемого периода. Она опирается на концептуальную систему «темное прошлое», которая в свою очередь включена в концептуальную систему «круг чужих», поэтому на уровне речевых действий речевые приемы тактики «создание темного прошлого» зачастую сопровождаются речевыми приемами тактики «создание образа врага». Выяснилось, что основной целью, преследуемой говорящими при выборе речевых приемов тактики «создание темного прошлого», является нагнетание напряжения, сгущения красок, создание ощущения дискомфорта у реципиентов. Тем самым политики моделируют негативную альтернативную реальность, активно внедряют ее в сознание аудитории, провоцируя ее на конкретные действия. Поскольку люди стремятся избежать этого состояния, то такие речевые приемы с большой вероятностью приведут к требуемому оратору перлокутивному и посткоммуникативному эффекту, например, к согласию с точкой зрения коммуниканта и осуществлению выбора в пользу нужного кандидата.

В отдельных случаях речевые приемы тактики «создания темного прошлого» могут комбинироваться с речевыми приемами тактики «создания образа героя». В данном случае «темное прошлое» выступает в качестве фона для презентации собственных достижений (или достижений партии) и качеств лидера.

Список литературы

1. Браун Р. Власть риторики: лучше говоришь – больше достигаешь. М.: Интерэксперт, 2005. 351 с.
2. Голоднов А. В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка): дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2011. 402 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS, 2006. 288 с.
4. Клюев Е. В. Речевая коммуникация. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
5. Лесняк М. В. Тактика «Создание светлого будущего» в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 117-123.
6. Матвеева Т. В. Сто лет не видались, или Разговорный максимализм // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997. С. 200-206.
7. Миронова П. О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2003. 184 с.
8. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004. 293 с.
9. Самарина И. В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006. 158 с.
10. Седов К. Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 188-194.
11. Солопова О. А. Метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе Великобритании // Политическая лингвистика. 2005. № 16. С. 102-115.
12. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд-е 3-е, испр. М.: Ком Книга, 2006. 280 с.
13. Чуриков М. П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью): дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2005. 168 с.
14. Goebbels J. Appell an die Nation (Datum und Ort unbekannt) // Goebbels Reden / Hg. von H. Heiber. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. Bd. I. 1932-1939. S. 1-3.
15. Goebbels J. 9.7.32 – Berlin, Lustgarten – NSDAP-Kundgebung vor der Reichstagswahl am 31. Juli 1932 // Goebbels Reden / Hg. von H. Heiber. Bd. I. 1932-1939. Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. S. 43-50.
16. Göring G. Aufbruch der Nation – Rundfunksprache in der Nacht des 30. Januar 1933 // Göring G. Reden und Aufsätze / Hg. von E. Grißbach. München: Zentralverlag der NSDAP, 1938. S. 15-17.
17. Göring G. Wir tragen die Verantwortung – Rede auf der Kundgebung der NSDAP in Frankfurt a.M. am 3. März 1933 // Göring G. Reden und Aufsätze / Hg. von E. Grißbach. München: Zentralverlag der NSDAP, 1938. S. 15-17.
18. Gülich E. Ansätze zu einer kommunikationsorientierten Erzähltextanalyse // Erzählforschung 1 (=Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik). Göttingen, 1976. S. 224-256.

19. **Hitler A.** 23 Juli 1932 – Rede auf NSDAP-Versammlung in Dresden // Reden. Schriften. Anordnungen. Feb. 1925 bis Jan. 1933 / Hg. und kommentiert von K. A. Lankheit. München: K. G. Saur Verlag, 1996. Bd. V. Von der Reichstagspräsidentenwahl bis zur Machtergreifung. Teil 1. April 1932 – Sept. 1932. S. 259-264.
20. **Hitler A.** 27 Juli 1932 – Rede auf NSDAP-Versammlung in Eberswalde // Reden. Schriften. Anordnungen. Feb. 1925 bis Jan. 1933 / Hg. und kommentiert von K. A. Lankheit. München: K. G. Saur Verlag, 1996. Bd. V. Von der Reichstagspräsidentenwahl bis zur Machtergreifung. Teil 1. April 1932 – Sept. 1932. S. 274-277.

COMMUNICATIVE RETROSPECTION MODELLING IN POLITICAL DISCOURSE WITH “SHADOWY PAST CREATION” TACTICS HELP

Lesnyak Marina Valer'evna
Southern Federal University
mvlesnyak@sfnu.ru

In the article the linguistic analysis of “shadowy past creation” communicative tactics as a way of retrospection modelling in political discourse is presented by the material of the German national socialists’ public addresses during the period from 1930 till 1933. At the same time communicative tactics is interpreted from cognitive-pragmatic-linguistic approach positions, its prototypical character is emphasized.

Key words and phrases: communicative tactics; alternative reality; retrospection; speech reality modelling; perlocutive effect; post-communicative effect.

УДК 80

Филологические науки

Статья посвящена изучению содержания трех мифопоэтических образов – «яйцо», «птица» и «змея». Цель исследования – наглядно продемонстрировать основные значения, присущие данным образам, а также их взаимосвязь друг с другом и с образом Мирового Древа. Результат предпринятого исследования заключается в создании целостного представления о трех мифопоэтических образах в контексте взаимосвязи их художественных значений, а также по отношению к центральному символу мировой культуры – arbor mundi. Новизна исследования связана с попыткой автора проследить связь трех мифопоэтических образов, ключевых для культуры Востока и Запада, с доминантой триады универсальных художественных символов – Мировым Древом.

Ключевые слова и фразы: дискурс; мифопоэтический символ; универсальный художественный образ; Мировое Древо (arbor mundi); яйцо; птица; змея.

Макарова Инна Сергеевна, к. филол. н.

Высшая школа экономики
inna-makarova@mail.ru

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ «ЯЙЦО», «ПТИЦА», «ЗМЕЯ» В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ[©]

Опыт научного исследования всемирного культурного наследия, накопленный за многовековую историю изучения произведений искусства, приводит к выводу о существовании универсальных художественных образов, к числу которых можно отнести *дерево*, *розу* и *корабль*. Ключевые для мировой культуры в целом и западноевропейской в частности, эти образы лежат в основе подавляющего большинства произведений искусства. Оставаясь актуальными и востребованными в каждую эпоху, они порождают все новые трансформации, находящие отражение в лучших образцах литературы, живописи, скульптуры, архитектуры, музыки и кинематографа.

Мифопоэтический образ дерева (Древо Мировое или arbor mundi), воплощающего универсальную концепцию мира и зафиксированного практически повсеместно в различных видах и формах искусства, представляется доминантным в предложенной триаде мировых художественных символов.

В настоящем исследовании речь идет о трех мифопоэтических образах, тесно связанных с дискурсом *arbor mundi* как по содержанию, так и по выполняемой ими художественной функции – яйцо, птица и змея, – получивших широкое распространение в различных мифологических системах наравне с Мировым Древом или в качестве его альтернативы.

Мировое или космическое **яйцо** является мифопоэтическим символом, родственным образу *arbor mundi* благодаря той роли, которую играет этот символ в различных мировых мифологиях: из половинок яйца возникают небо и земля (согласно преданию, записанному Геродотом, «мир создан из яйца, положенного баснословной птицею Фениксом в святилище Гелиоса» [1, с. 132]); из желтка рождается солнце (золотое солнечное яйцо сносит черная птица-ночь); из яичной скорлупы выходит культурный герой-демиург; в космогонии догонов мир возникает из яйца, содержащего четыре элемента, и т.п. В *Ассирийско-Вавилонской* мифологии огромное небесное яйцо было положено в реку Евфрат и высижено голубем. В мифологии *индусов*